

Хроника современной литературы

Максим Дрёмов

Что нас жалеть, когда виновны сами!

DOI: 10.53953/08696365_2023_180_2_280

Кривулин В.Б. Ангел войны.

Сост. О.Б. Кушлиной; послесл. О.Б. Кушлиной, М.Я. Шейнкера.

СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2022. — 116 с.

Что ж, дорогие мои современники,
Весело вам?

Георгий Иванов

Выход «Ангела войны» — сто-с-небольшим-страничной книги избранных стихов на вполне отчетливо очерченную заглавием тему — безусловный жест. Жест не только гражданско-политический, но и историко-литературный: как уже успел справедливо заметить Игорь Гулин¹, в этой книге впервые под одной обложкой помещены тексты Кривулина периодов самиздата и свободной печати — две инкарнации кривулинского письма наконец сведены воедино, и не случайно, что для этого акта создания историзирующей дистанции избрана военная рамка.

Не будем подробно останавливаться на эпизодах биографии Кривулина, связывавших его с войной, — о его рождении в военном госпитале в 1944 году и генетической памяти о Великой Отечественной де-

1 Гулин И. Мир во втором чтении // Коммерсантъ. 2022. 27 мая (<https://www.kommersant.ru/doc/5357513> (дата обращения: 24.12.2022)).

тально написано в послесловии Ольги Кушлиной, а сюжет о поездке Кривулина в Югославию в качестве военкора и поддержке им сербов, а также о его увлечении фигурой генерала Лебеда изложен в биографическом очерке Михаила Берга² (летом 2018-го, когда был написан очерк Берга, и то и другое казалось возможным оправдать «ставкой на аутсайдера» и «троллингом либерального лицемерия»; в конце 2022-го, когда пишется эта рецензия, оба факта побуждают к более мрачным интерпретациям — подавим в себе желание углубиться в них, а ради полноты картины отметим и другое обстоятельство, упоминаемое Бергом, — баллотирование Кривулина в депутаты под эгидой Галины Старовойтовой, занимавшей принципиально антивоенную позицию в 1994—1996 годы). Поговорим лучше о том, что придает актуальное измерение этой книге — о «военном времени» как темпоральной категории, задающей не только материальные («больно рисуют — как послевоенные дети, / голубые от недоедания и страха, / синими карандашами по рвущейся возят газете», с. 20), этические и речевые («на своем на языке собачьем / то ли радуемся то ли плачем — / кто нас, толерантных, разберет», с. 89), памятно-исторически («не казали б нам больше казаков рычащих: “РРРоссия!” / утворяющих “Р” в наказание свету всему / за обиды за крови за прежние кымы в дыму...», с. 84) и метафизические («угадываешь контур отступленья / свистящее дыхание врагов / в громовой тишине / и то, насколько близко / обещанное воскресенье», с. 48) координаты, но и нулевую точку отсчета опыта — любая деятельность предстает либо предчувствием новой войны, либо запоздалым длящимся переживанием старой, а свести себя к этому знаменателю рвется не только культурная и политическая реальность (это не ново), но и сама онтология, фундамент миропорядка:

недостаточно еще остервенели
но кругом тоска по сталинской струне
духовая музыка одетая в шинели
марширует как во сне

ей пока что некуда приткнуться
округленно-блещущим плечом —
но войска восстанут мертвые проснутся
призрачная жизнь забьет ключом

слышишь гул из ямы оркестровой?
все настроено для гибели всерьез
в батальоны строится в гимнические строфы
мирной жизни временный хаос
<...>

(С. 33)

Самым страшным последствием войны в стихах Кривулина предстают даже не смерти и разрушения (хотя и о тех, и о других сказано немало — и с христианским состраданием), а победы. Корневой нарратив государства, питаемый

2 Берг М.Ю. Несколько соображений к биографии В. Кривулина // Звезда. 2018. № 9. С. 219—237.

победой, обеспечивает постоянное присутствие войны, «вечной войной искажённые судьбы» (с. 31); новопризванным в жизнь уготовлено стать «недоспорившими мальчиками, / обведёнными по контуру» (с. 64), а обеспечившим победу — вечная ретравматизация:

Что же грустен стоит очевидец в сторонке?
Шоколадное дерево праздника плавится, тает за ним...
Вот оркестр полковой прошагал пауком площадным,
но еще напряженно дрожат барабанного дня перепонки.

(С. 17)

все меньше праздника все тише толчея
как бы сквозь вату бухнул барабан
и вот победа — словно бы ничья
мрачнее пьяного не пьющий ничего
но лучше бы он был смертельно пьян
о, лучше б вовсе не было б его!

(С. 29)

«Не ненависть была сокрытым движителем его поэзии, но боль и жалость ко всем живущим и всем ушедшим», — пишет о Кривулине Ольга Кушлина в послесловии к «Ангелу войны» (с. 106); «Эта книга и стихи, в нее включенные, не предотвратят и не остановят войну, но позволят заглянуть ей в лицо, понять ее, ее разоблачить и ей противостоять», — пишет там же Михаил Шейнкер (с. 108). Эти характеристики, на первый взгляд, об одном, в действительности же демонстрируют знакомое всем современным *невольным наблюдателям* заострение этики: жалость и разоблачение отнюдь не одно и то же, и собранные в «Ангеле войны» тексты демонстрируют извилистый маршрут мысли и чувства от первой ко второму. Титульный текст, постулирующий, что «выживет слабый <...> выживет спящий <...> выживет смертный», успел облететь соцсети и совпасть с коллективными усилиями по преодолению страха; на коллективные же попытки докопаться до оснований вины и вообразить будущее отвечают кривулинские стихи 1990-х годов, сдобренные ядом мрачной иронии:

если после политеха
ты россии не спасал
инженерствовать не ехал
со святыми за урал
если к тайному оружию
ты руки не приложил
или же с чертежной тушью
кровь из отворенных жил

не смешал заради блага
главной родины твоей —
станет пострашней гулага
первое свиданье с Ней.

(С. 66)

Рассуждений о России, о русском в «Ангеле войны» вообще много — и, работая в почтенном жанре поиска дефиниций русской идентичности, Кривулин находит прежде всего руины, «красный мусор мусор белый мусор синий» (с. 90); основной компонент национокструирующего нарратива — война (прошлая, настоящая или мнимая), поддержка его обеспечена многолетней — лишь меняющей имидж — системой насилия уже над собственным народом, а следствие его — взросшая и питающая граждан «супердержавы» нутряная вражда, экзистенциальная потребность в антагонизме: «*козёл басав* или *х.й наполеон*». Жить в мире, пронизанном войной до самых оснований, где «убежище в каждом дворе», где «застыть от ужаса — вот назначенье вещи», невозможно (а приходится) — и, даже покинув его, приходится надеяться только на смену стороны: в сравнительно позднем стихотворении «Метампсихоза» константность войны подминает под себя даже мифологию — рай с адом, обыкновенные для Кривулина, поэта-христианина и христианского поэта, замещены реинкарнацией — с тем лишь, чтобы:

сияло детство ярко, среди ржавой
подбитой техники искали что взорвать
куда прицелиться для смерти и для славы
посмертной — чтобы как-нибудь опять

воскреснуть в государстве островном.

(С. 74)

Здесь есть и «Стихи в форме гостгерба» — нетипичный для Кривулина эксперимент с визуальным компонентом поэзии, и «зимний путь какой-то путин паутина» (с. 89), и страшная перспектива потенциальных стихов ветеранов Афганистана и Чечни (давшая сюжет известному стихотворению Никиты Сунгатова³ — кажется, эта переключка раньше не констатировалась), и «аресты в мае в райскую теплынь / в июле в пору дачного блаженства» (с. 60) — возможно, эта невольная злободневность поспособствовала большому спросу на «Ангела войны» в тех немногих книжных магазинах, что способны его продать. Разгадка в том, что и тревога, и беспокойство, и сиротство, и дергающая за них, как за ниточки, тирания не отступают никогда — кривулинскую войну не назвать даже «вечным возвращением»: для возвращения требуется хотя бы временное исчезновение. Симптоматично стихотворение «Пятое марта», в котором смерть Сталина завернута в лубок о мышках, хоронящих kota:

среди вселенского смеха и всяческой гили
правда лубочна, и даже на пересменке эпох
той же картинкой люблюсь как мыши kota хоронили
как щекотали его камышинкой — неужто издох?

<...>

он-то плывет уплывает по мартовском лужам
и не поймашь его не возьмешь в оборот

3 Речь идет о стихотворении «ветеран второй чеченской войны...». См.: Сунгатов Н. Земля состоит из крови // Воздух. 2014. № 2—3 (<http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2014-2-3/sungatov/> (дата обращения: 03.01.2023)).

разве прикинешься будто и вовсе не нужен
место пустое,
но центр композиции —
Кот.

(С. 61)

Сострадание Кривулина не абсолютно с самого начала: «Что нас жалеть, когда виновны сами!» — куда жалче камня, вещей, не являющихся еще вместе с неустрашимой войной. А по мере движения от стихотворений 1960—1970-х с их античными проекциями (Марсий-прапорщик или муза истории Клио, встречающая возвращающихся с войны победителей, пока над ней «горные воют потоки», — или, как мне довелось неверно прочесть эту строку, «гордые воют потомки») и модернистским риторическим изяществом, оберегаемым от пестующей войну идеологии, к стихотворениям 1980—1990-х — рассыпающимся, растворяющимся, сломанным и потому острым в местах разлома, на искренний плач по искалеченным войной перестает хватать дыхания — его место занимает сарказм и макабр, субъект превращается из миссионера-хранителя высокого языка в его невеселого пересмешника. Но — права, разумеется, Ольга Кушлина — к ненависти Кривулин не обращается ни разу, оставаясь в границах вселенской скорби, где надежда на спуск в бомбоубежище ангела Златые Власы с каждым последующим текстом кажется все более и более наглой мечтой.

Вопрос о том, какой язык, эмоциональный регистр и инструментальный арсенал могут быть адекватны ежедневно наблюдаемому последнему году, успели задать уже много раз — как много раз успели и возмутиться этической скомпрометированностью подобного вопроса или констатировать невозможность получить на него внятный ответ. Между тем поиски продолжаются — хотя бы и из отчаянья — и исторические прототипы могут стать в них ключевым компонентом сборки. «Ангел войны» Виктора Кривулина обнаруживает в себе и подобную ценность — не только как тематический сборник одного из наиболее выдающихся представителей советской подпольной культуры, но и как потенциальный ориентир.